

1958: Хемингуэй, Пастернак и Нобелевская премия по литературе

© 2022 Фредерик Х. Уайт

1958: Hemingway, Pasternak and the Nobel Prize in Literature

© 2022 Frederick H. White

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2022_3_179_200

Информация об авторе: Фредерик Х. Уайт, PhD., профессор, Университет Юта Вэлли, г. Орем, шт. Юта, США. E-mail: Frederick.White@uvu.edu.

Ключевые слова: Эрнест Хемингуэй, Борис Пастернак, Нобелевская премия, Советский Союз, культурная политика, литература и идеология.

Аннотация: Автор статьи показывает, как получение Нобелевской премии повлияло на динамику литературной репутации Эрнеста Хемингуэя и Бориса Пастернака на западном и, в особенности, советском литературных рынках: тогда как Хемингуэй становится иконической фигурой в СССР, Пастернак едва не лишается гражданства. Таким образом, получение одного и того же знака международного признания одновременно интенсифицировало процесс десакрализации русского поэта и запустило процесс повторного «освящения» американского писателя на одном и том же литературном рынке. Также рассматривается, в какой степени официальная советская версия обстоятельств публикации рома-

Information about the author: Frederick H. White, PhD, Professor of Russian and Integrated Studies, Utah Valley University, Orem, UT, USA. E-mail: Frederick.White@uvu.edu.

Keywords: Ernest Hemingway, Boris Pasternak, Nobel Prize, Soviet Union, cultural policy, ideological profit.

Abstract: This article examines how winning the Nobel Prize impacted the literary reputations of Ernest Hemingway and Boris Pasternak in the Western and, especially, Soviet literary markets. While Hemingway became an iconic figure in the USSR, Pasternak nearly lost his Soviet citizenship. The international recognition associated with the Nobel Prize intensified the desacralization of the Russian poet and launched the re-consecration of the American writer in the same literary market. At issue is also the extent to which the official Soviet version of the publication of *Doctor Zhivago* abroad influenced Hemingway's own reaction to Pasternak's refusal of the Nobel Prize and his understanding of the role that Giangiacomo Feltrinelli played in the poet's fate.

на «Доктор Живаго» за рубежом могла обусловить реакцию Хемингуэя на отказ русского писателя от Нобелевской премии и его понимание роли Джанджакомо Фельтринелли в судьбе Пастернака.

Англоязычная версия статьи опубликована: White F.H., “The Most Outstanding Work of an Idealistic Tendency: Hemingway, Pasternak, and the 1958 Nobel Prize for Literature”, *Hemingway Review* 40: 1 (Fall 2020): 10–28.

Принятые сокращения

- Espmark – *Espmark K.* The Nobel Prize in Literature: A Study of the Criteria behind the Choices. Boston, MA: G.K. Hall, 1986.
- Feldman – *Feldman B.* The Nobel Prize: A History of Genius, Controversy, and Prestige. New York: Arcade Press, 2000.
- F-C – *Finn P., Cowée P.* The Kremlin, the CIA, and the Battle over a Forbidden Book. New York: Pantheon, 2014.
- Jewell – *Jewell R.* The Nobel Prize: History and Canonicity // *The Journal of the Midwest Modern Language Association*. 2000. Winter. Vol. 33. No 1. P. 97–113.

В 1954 году Хемингуэй узнал, что ему, наконец, присуждена Нобелевская премия по литературе – «за высокое мастерство в искусстве повествования». Его первое публичное выступление по этому поводу состоялось на телевидении Кубы. Американский писатель беспечно заявил, что очень счастлив быть первым полу-кубинцем, получившим эту премию¹. На следующий день его жена Мэри устроила вечеринку в их поместье «Финка Вихия», во время которой писатель вышел на крыльцо и дал еще одно интервью. Пользуясь ситуацией в личных и политических целях, Хемингуэй предложил выпустить на свободу Эзру Паунда, одного из своих литературных наставников, который с 1946 года содержался в вашигтонской психиатрической больнице св. Елизаветы в качестве альтернативы тюремному заключению по обвинению в государственной измене за его профашистские выступления в Италии во время Второй мировой войны. По сути, Хемингуэй систематически использовал интервью по поводу Нобелевской премии, чтобы выступать в защиту Паунда и за его освобождение². Очевидно, писатель вполне осознавал, что влияние этой международной награды распространяется далеко за пределы литературного рынка, и охотно

¹ *Hutchisson J.* Ernest Hemingway: A New Life. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2016. P. 230.

² *Dearborn M.* Ernest Hemingway: A Biography. New York: Knopf, 2017. P. 570, 587.

обращал внимание общественности, прикованное к нему благодаря столь высокому признанию, на печальную участь своего друга и собрата по перу.

Хемингуэй связывала с Нобелевской премией долгая история: победы в 1954 году предшествовали две безуспешные номинации – в 1947-м и 1950-м. В 1930-м Хемингуэй был шокирован присуждением премии Синклеру Льюису, который стал первым американским лауреатом, когда ему было, к тому же, всего сорок пять лет. Но особенно расстроила писателя победа Уильяма Фолкнера в 1949-м – в тот период, когда роман Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев» (*Across the River and into the Trees*) был объектом жесткой критики. Хемингуэй надеялся, что признание со стороны Нобелевского комитета закрепит за ним титул истинного чемпиона мира по литературе в тяжелом весе¹. Когда он, наконец, стал нобелевским лауреатом – по-видимому, благодаря успеху его недавно опубликованной повести «Старик и море» (*The Old Man and the Sea*) – он не смог присутствовать на церемонии вручения в Стокгольме. Незадолго до того он и его жена Мэри были на волосок от смерти, попав в две авиакатастрофы в Африке, и Папа Хэм все еще восстанавливался. Встав на якорь в море, они слушали по коротковолновому радио, как американский посол в Швеции зачитывает на Нобелевском банкете речь Хемингуэя, в которой отмечается, что жизнь писателя протекает в одиночестве². Учитывая ход холодной войны, нетрудно понять, что в СССР новое достижение Хемингуэя почти не получило освещения³. Но вскоре напряженность в советско-американских отношениях начала ослабевать. В июле 1955 г. президент США Эйзенхауэр встретился с представителями Франции, Великобритании и Советского Союза. Хотя эта Женевская конференция и не оправдала надежд на снятие угрозы глобальной безопасности, она ознаменовала собой положительный сдвиг в культурных взаимоотношениях между двумя сверхдержавами.

Эта оттепель, однако, сменилась новыми заморозками, когда 23 октября 1958 г. было объявлено о присуждении Нобелевской премии по литературе Борису Пастернаку. С 1947 г. Пастернак подвергался гонениям со стороны властей за неспособность описывать советскую реальность в соответствии с требованиями эпохи ожесточенной борьбы с «безыдейностью и пошлостью» в литературе. Когда роман «Доктор Живаго» не был принят в журнал «Новый мир», Пастернак переслал его Джанджакомо Фельтри-

¹ Reynolds M. Hemingway: The Final Years. New York: Norton, 1999. P. 252.

² Hemingway M. How It Was. New York: Knopf, 1976. P. 413–415.

³ Орлова Р. Хемингуэй в России: Роман длиною в полстолетия. Ann Arbor: Ardis, 1985. С. 38.

нелли, итальянскому коммунисту, для публикации за рубежом. Переведенный в течение следующего года на итальянский, французский, английский и немецкий, роман шесть месяцев продержался в списке бестселлеров «New York Times». Спустя всего лишь три дня после объявления о присуждении Пастернаку Нобелевской премии в газете «Правда» началась травля писателя. Опасаясь принудительной высылки из СССР в случае, если он поедет в Стокгольм на церемонию вручения, Пастернак отказался от премии¹.

Опираясь на архивные материалы из Отдела редких книг и специальных коллекций библиотеки Принстонского университета и документы из Коллекции Хемингуэя Президентской библиотеки-музея им. Джона Ф. Кеннеди, я попробую реконструировать реакцию Хемингуэя на отказ Пастернака от Нобелевской премии. Реакция эта была неопределенной и неоднозначной, что объяснялось, возможно, непростой историей публикации «Доктора Живаго» и неверным пониманием роли Фельтринелли в этом процессе. Я также хочу привлечь внимание к ненадежному положению писателей на литературном рынке – особенно в рамках советского культурного пространства, где ценились не финансовые, а *идеологические дивиденды*. Ирония ситуации заключается в том, что, нобелевский лауреат Хемингуэй стал иконической, контркультурной фигурой в Советском Союзе, а Пастернак, получив тот же знак международного признания, едва не лишился советского гражданства. Таким образом, получение Нобелевской премии по литературе одновременно интенсифицировало процесс десакрализации советского поэта и запустило процесс повторного «освящения» американского писателя на одном и том же литературном рынке.

Мировой литературный рынок

В результате экономического обмена в сфере культуры появляется то, что Пьер Бурдьё называет символическим капиталом, который наделяет отдельного художника аурой респектабельности².

¹ *Fleishman L.* Boris Pasternak: The Poet and His Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 247–300.

² *Bourdieu P.* The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature / Ed. and introd. by R. Johnson. New York: Columbia University Press, 1993. P. 75–76; *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field* / Transl. by S. Emanuel. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 141–148.

Символическим капиталом писателя наделяют агенты и институции, обладающие экономическим и культурным капиталом, необходимым для «освящения» автора и его литературных произведений. Таким образом, экономика играет основополагающую роль в культурном производстве¹. Успешный маркетинг автора и его произведений зависит от деятельности культурных агентов по сохранению за собой доли рынка в мировом литературном пространстве. Усилия, прилагаемые к тому, чтобы убедить агента, редактора, издателя принять рукопись, – это первый этап экономического процесса, в который в перспективе будут вовлечены корректоры, дизайнеры, отделы маркетинга и т.д. Как только книга будет напечатана, критики начнут ее рецензировать, литературоведы – анализировать, книготорговцы станут ее продавать, а библиотеки – покупать. Что особенно важно, в тот момент, когда книгу покупает библиотека, книжный магазин или отдельный индивид, ее символическая ценность претворяется в реальные дивиденды. Эта конвертация символического капитала в финансовый приносит прибыль как автору, так и всем культурным агентам, вовлеченным в процесс «освящения». В терминологии Бурдьё, эти культурные агенты «освящают» писателя, свидетельствуют о его ценности как литературной фигуры, сталкиваются друг с другом, чтобы повысить ценность произведений данного автора, и способствуют конвертации этого символического капитала в реальные деньги.

Есть еще один способ для писателя получить символический капитал: он может перевести свое произведение на другой язык и тем самым открыть для себя совершенно новые литературные рынки. Этот способ предполагает участие переводчика и актора, который обеспечит культурно релевантную интерпретацию произведения, встраивающую автора в более протяженную траекторию культурного и, возможно, политического развития страны, где был опубликован перевод, чтобы принести ей идеологические дивиденды. В случае Хемингуэя и СССР эту роль сыграл Иван Кашкин и другие переводчики, которые познакомили советского читателя с прозой американского писателя еще в 1934-м и продолжили эту работу в 1955-м, после публикации повести «Старик и море». Сходным образом Джанджакомо Фельтринелли обеспечил перевод и публикацию «Доктора Живаго» за пределами Советского Союза. Фельтринелли, Кашкин и многие другие переводчики, редакторы и литературоведы приняли участие в «освящении» Хемингуэя и Пастернака и тем самым приумножили символический капитал писателей, что в конечном итоге привело к присуждению обоим авторам Нобелевских премий.

¹ Bourdieu P. The Rules of Art. P. 215–216.

Хотя экономические стимулы в Советском Союзе во многом отличались от тех, что действовали на Западе, поиск издателя, получение положительных рецензий на рукопись и распространение произведений писателя осуществлялись под не менее жестким давлением. Внутри СССР издатели, продавцы книг и критики, разумеется, не могли игнорировать идеологические требования, предъявляемые литературными цензорами, Союзом писателей и КПСС. Вследствие этого деньги играли второстепенную роль по сравнению с символическим капиталом, который позволял заручиться необходимой поддержкой со стороны представителей власти. В сущности, культурный и символический капитал был значительно более релевантен в условиях литературного рынка, контролируемого правительством, где доход был не так важен, как идеологическая выдержанность. Пастернак был лишь одним из множества писателей и поэтов, которым советские литературные агенты закрыли доступ к отечественным журналам и издательствам. Чтобы литературное произведение вышло в свет в Москве – или Нью-Йорке – 1950-х годов, необходимо было убедить неких могущественных людей в том, что публикация эта будет выгодна по идеологическим – или финансовым – соображениям. Полученные доходы сами по себе (финансовые или идеологические) имели второстепенное значение для лиц, участвующих в процессе «освящения».

Паскаль Казанова, опираясь на теорию Бурдьё, разработала понятие мировой республики литературы – единого литературного пространства, не разделенного национальными границами, – чтобы дать определение всемирной литературы, которая не ограничена рамками языковых сообществ. Однако, по мнению исследовательницы, чтобы такие писатели, как Джеймс Джойс, Уильям Фолкнер или Эрнест Хемингуэй, могли преодолеть границы отечественного рынка и получить признание за пределами своих языковых сообществ, они должны были быть переведены на французский и пройти «освящение» в Париже, который она считает столицей литературного пространства. Такой подход не допускает возможности существования в этом мировом литературном пространстве не одной, а нескольких столиц, где может состояться «освящение» писателей – в том числе, иностранных и иноязычных. И Пастернак, и Хемингуэй сделали существенный вклад в эту всемирную литературу, что, вероятно, и было признано Нобелевским комитетом.

Вместо того чтобы признать Москву одной из мировых литературных столиц, Казанова игнорирует СССР, отдавая предпочтение европейским колониальным державам, сформировавшим свои языковые и литературные

регионы, и представляющим собой «автономное, однородное, централизованное пространство, в котором никто не оспаривает однонаправленного движения произведений и права центральной власти на одобрение или неодобрение их. Особый пантеон, литературные премии, исторически сложившиеся жанры, собственные традиции и даже внутреннее соперничество определяют как форму, так и содержание литературной продукции данного языкового конгломерата»¹. В то же время Россен Джагалов предложил понятие советской республики литературы, чтобы дать определение пространству, где действуют альтернативные организующие принципы порождения мировой литературы при участии иных властных структур. После революции 1917 года новое советское государство институционализировало и попыталось интернационализировать сформировавшееся в XIX в. убеждение российской интеллигенции в том, что роман способен сделать человека радикалом и спровоцировать социальные перемены. В пределах СССР на внутреннем литературном рынке распоряжался Союз писателей, однако велась и международная деятельность с целью стимулировать такую всемирную литературу, которая бы поддерживала и распространяла определенную политическую идеологию. Джагалов отметил активизацию этой деятельности, организованной по преимуществу в Москве и определяемой политическими движениями и идеологиями, в сорокалетний период с 1920-х годов по 1950-е².

Катерина Кларк утверждает, что советская правящая верхушка в 1930-х стремилась узаконить и кодифицировать свой режим с помощью письменного текста. Эта работа началась с официальных комментированных переводных собраний сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Советский Союз тратил значительную часть своих валютных средств на приобретение оригинальных рукописей, чтобы закрепить за Москвой статус центра изучения марксизма. В тот же период Максим Горький, писатель с международным признанием, вернулся в СССР и выступил с основным докладом на Первом съезде советских писателей (1934), где был объявлен «основоположником литературы социалистического реализма». Кларк считает «поразительным» тот факт, что в период политической нестабильности и ускоренной индустриализации «культура неизменно находилась в центре пристального внимания советского руководства и лично

¹ Казанова П. Мировая республика литературы / Пер. с фр. М. Кожевниковой, М. Летаровой-Гистер. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С.137.

² *Djagalov R. The Red Apostles: Imagining Revolutions in the Global Proletarian Novel // Slavic and East European Journal. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 400–403.*

Сталина». По сути, Кларк отмечает, что в пост-капиталистические 1930-е культурный капитал оказался легитимизирующим активом, который в значительной степени основывался на санкционированных списках великих писателей и великих книг¹.

Сталинский Большой террор (1936–1938) и Вторая мировая война существенно подорвали и видоизменили советскую культурную политику, однако повторное утверждение социалистического реализма как главенствующего направления в искусстве в 1946-м привело к изменениям в составе Союза советских писателей. Из ССП были исключены Михаил Зощенко и Анна Ахматова, что означало запрет на публикацию их произведений и, в сущности, изгнание их из творческой среды и литературной профессии, а также служило уроком (или предостережением) для других советских писателей, включая Пастернака.

Эта эпоха массированного давления на культуру была частью преобладавшей в СССР риторики холодной войны. Как полагает Джагалов, несмотря на жестокость этого последнего периода сталинских культурных репрессий, советская республика литературы продолжала функционировать, хотя и с меньшим размахом, и подготовила почву для краткой эпохи интернационализма в хрущевскую оттепель. Первой масштабной встречей писателей в послевоенный период стал Всемирный конгресс интеллигенции в защиту мира, состоявшийся в Польше в 1948-м. Среди делегатов были и многие из тех, кто ранее занимался международной деятельностью (Луи Арагон, Илья Эренбург, Александр Фадеев, Пабло Неруда), и новые сторонники интернационализма – Жан-Поль Сартр и Говард Фаст². В 1950-м в Варшаве был проведен II Всемирный конгресс сторонников мира, в ходе которого началось формирование бинарной риторики холодной войны, где миролюбивые страны, представляемые Советским Союзом, противопоставлялись агрессивно настроенным капиталистическим государствам, возглавляемым США.

В рассматриваемой здесь конкретной ситуации две эти литературные республики соперничали за внимание и лояльность Хемингуэя и Пастернака. В случае Хемингуэя, велась организованная работа по вовлечению его

¹ *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / Пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 122 и далее.

² *Djagalov R.* Literary Monopolists and the Forging of the Post-World War II People's Republic of Letters // *Socialist Realism in Central and East European Literatures Under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses* / Eds E. Dobrenko, N. Jonsson-Skradol. London: Anthem Press, 2018. P. 25–37.

в орбиту Москвы¹. Что касается Пастернака, именно альтернативный, несоветский литературный рынок позволил ему противостоять советским культурным агентам, которые изолировали его от своего литературного производства. В обоих случаях Нобелевская премия стала признанием того, что данная культурная ситуация вышла за границы национальных литератур, и сфокусировала всеобщее внимание на сближении политики и литературы как аспекте холодной войны.

Пастернак в Италии

Ничто не предвещало, что Фельтринелли станет коммунистом. Его семья разбогатела в период индустриализации северной Италии. Несмотря на это, он стал радикалом еще в подростковом возрасте, подружившись со слугами и работниками в его семейном поместье. В 1945-м он вступил в Итальянскую коммунистическую партию, сыгравшую ключевую роль в движении Соппротивления. Его капиталистические доходы были потрачены, в частности, на создание библиотеки по истории рабочего класса и его общественных движений; он также приобрел пай в издательстве, связанном с Коммунистической партией и со временем разорившимся. Тем не менее, к двадцати девяти годам он был главой независимого издательства «Feltrinelli» (F-C: 85–88).

20 мая 1956 г. Серджио д'Анджело встретился с Пастернаком в Переделкино. Д'Анджело, итальянский коммунист, работавший на московском радио, интересовался современной советской литературой, которая могла бы привлечь внимание издательства Фельтринелли. Хрущевская оттепель, казалось, позволяла выйти в свет более сложным и идеологически неоднозначным произведениям, и в апрельском номере журнала «Знамя» уже появились пастернаковские «Стихи из романа в прозе “Доктор Живаго”». Д'Анджело, хорошо говоривший по-русски, объяснил Пастернаку, что, получив рукопись его романа, Фельтринелли закажет итальянский перевод

¹ О работе СССР по вовлечению западных писателей в советский эксперимент и, в отдельных случаях, по приобретению их произведений для советского литературного рынка подробнее см.: *Brown D. Soviet Attitudes Toward American Writing* (1962), *Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы* (2012; рус. пер. 2015), *Freidberg M. A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia, 1954–64* (1977), *Margulies S.R. The Pilgrimage To Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924–1937* (1968).

и опубликует его только после того, как роман будет напечатан в Советском Союзе. Пастернак отлично понимал, что последует за публикацией его книги за рубежом: его обвинят в предательстве, и это погубит его личную и творческую репутацию в СССР. И все же он передал д'Анджело экземпляр «Доктора Живаго» с рукописной правкой (F-C: 3–13). Фельтринелли сразу осознал художественную ценность романа и поспешил заключить с автором контракт, в котором оговаривались гонорар и права на зарубежную публикацию. Пастернак, стремившийся напечатать роман во что бы то ни стало, даже если зарубежной публикации не будет предшествовать отечественная, этот контракт подписал. Летом 1956 года Пастернак также предоставил экземпляры рукописи для перевода на французский и английский (F-C: 91, 94, 96–97).

Особое негодование советских чиновников вызывало изображение Юрия Живаго как пассивного индивидуалиста, само существование которого подрывало советскую веру в коллективное общество. С середины 1930-х, когда соцреализм был официально утвержден в качестве культурной политики государства, предполагалось, что индивид был обязан жертвовать личными интересами ради общего блага социалистического общества. Жизненные цели Живаго были прямо противоположны устремлениям, поощряемым (а то и диктуемым) властями, радеющими о создании нового коммунистического мира, продуктом которого станет «новый советский человек». Этот советский гражданин призван был возобладать над окружающей средой с помощью своих физических навыков, политической сознательности и веры в партию, чтобы построить лучшее социалистическое общество для всех. В каком-то смысле советским критикам проще было иметь дело с хемингуэвскими героями, хотя те и были индивидуалистами, пессимистами и скептиками, поскольку многие из них также воплощали собой тот тип гипермаскулинности, который одобряли советские культурные агенты. К тому же после присуждения ему Нобелевской премии западная пресса часто представляла Хемингуэя как культурного героя, олицетворяющего собой, по словам Джона Реберна, «ценности фронта – тягу к приключениям, отвагу и мощную, неукротимую мужественность»¹. Пассивность и эмоциональная отчужденность Юрия Живаго выглядели еретическими в контексте советской культурной политики и воспринимались как косвенная атака на наследие Октябрьской революции.

¹ *Raeburn J. Fame Became of Him: Hemingway as Public Writer. Bloomington, ID: Indiana University Press, 1984. P. 149–151.*

Как следствие, оригинальная рукопись была отвергнута редколлегией «Нового мира», и отказ сопровождался подробной внутренней рецензией, содержащей резкую критику «Доктора Живаго». Как позже резюмировал сам Пастернак, роман не мог быть напечатан из-за содержащихся в нем «ошибочных положений», «что всякая революция есть явление исторически незаконное, что одним из таких беззаконий является Октябрьская революция, что она принесла России несчастья и привела к гибели русскую преемственную интеллигенцию»¹. В то же время началось политическое давление на Фельтринелли с требованием вернуть рукопись. Однако жестокое подавление Венгерского восстания в октябре 1956 г. лишь подстегнуло стремление итальянца напечатать роман (F-C: 99–102).

Пастернака неоднократно пытались заставить существенно переработать рукопись, а также отсрочить (или отменить) публикацию «Доктора Живаго» за рубежом. Писатель играл с представителями власти в кошки-мышки, но ни на шаг не отступил от своего решения позволить Фельтринелли опубликовать находящуюся у того исходную версию романа. В конечном итоге советские культурные агенты объявили, что Пастернак принял к сведению замечания коллег и готов был переработать свое произведение, так что публикация «неотредактированного» варианта была самоуправством итальянского издателя. Целью этого маневра было бросить тень на Фельтринелли. Эта версия событий во многом определила реакцию Хемингуэя на опубликование «Доктора Живаго». Итальянский перевод романа поступил в книжные магазины 23 ноября 1957 г. (F-C: 105–113).

Нобелевская премия по литературе

В 1896 г. Альфред Нобель, шведский промышленник и изобретатель динамита, завещал все свое огромное состояние на учреждение Нобелевской премии. Премия по литературе должна была присуждаться человеку, «создавшему в области литературы наиболее выдающееся произведение идеалистического толка» за предыдущий год (Espmark: 1, Jewell: 98). Как правило, награда победителю, избранному Шведской академией, вручают-

¹ Письмо Б.Л. Пастернака в редакцию газеты «Правда». 5 ноября 1958 г. АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 269. Л. 66, 67–68. Оpubл.: Правда. 1958. 6 ноября; Источник: Документы русской истории. 1993. № 4. С. 105–106. См. также сборник: «А за мною шум погони...». Борис Пастернак и власть. Документы. 1956–1972 гг. / Под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. М.: РОССПЭН, 2001.

ся королем Швеции 10 декабря, в годовщину смерти А. Нобеля. Золотая медаль, диплом и чек на крупную сумму передаются лауреату в ходе специальной церемонии. Неоднократно отмечалось, что в присуждении Нобелевской премии не последнюю роль играют политические соображения (Espmark, Jewel, Feldman). Однако в рассматриваемых здесь случаях комитет, вероятно, руководствовался заветом Нобеля присуждать награду за наиболее выдающееся литературное произведение за последний год. По всей видимости, именно выход в свет повести «Старик и море» и романа «Доктор Живаго» убедил жюри, что на сей раз Хемингуэй и Пастернак, которые номинировались и прежде, достойны высокой награды.

Более затруднительным критерием отбора было требование, чтобы награждаемые произведения были в некотором смысле *идеалистическими*, что, возможно, обусловило частое присуждение премии эмигрантам или диссидентам. Здесь, вероятно, кроются и причины выбора большинства российских и советских номинантов: премия 1933 года (в обход Максима Горького, основоположника соцреализма) досталась эмигранту Ивану Бунину, живущему во Франции; премия 1958 года – самому европейскому из советских поэтов Борису Пастернаку, роман которого был напечатан только за рубежом; премия 1970 года – диссиденту Александру Солженицыну, принудительно высланному из СССР четыре года спустя; премия 1987 года – еще одному гонимому, Иосифу Бродскому, уже лишенному советского гражданства и живущему в Нью-Йорке. В этот перечень не вписывается только лауреат 1965 года Михаил Шолохов, кандидатура которого была официально поддержана правительством СССР. И Бертон Фельдман, и Кьель Эпсмарк убеждены, что политические реалии холодной войны оказали значительное влияние на процесс присуждения премии. Эпсмарк утверждает, что политические соображения впервые были приняты в расчет в 1953-м при награждении Нобелевской премией Уинстона Черчилля и все еще играли немалую роль в 1987-м, когда премию присудили Бродскому (Espmark: 99–120). Фельдман полагает, что в период между 1950-м и 1970-м Нобелевская премия «стала симулякрот усиления или разрядки напряженности между великими державами» (Feldman: 76). Скандал, разгоревшийся вокруг Пастернака, стал наиболее широко обсуждаемым примером вмешательства в литературный процесс подобных политических соображений, продиктованных отнюдь не идеализмом, а реалиями холодной войны.

«Радио Освобождение»

В конце октября 1958 года «Радио Освобождение» (позднее переименованное в «Радио Свобода») несколько дней посвящало свое эфирное время Пастернаку и его Нобелевской премии. Основанная ЦРУ через подставную организацию «Американский комитет по освобождению от большевизма», эта радиостанция проводила политическую линию Госдепартамента США. В сущности, целью «Радио Свободная Европа» и ее русской службы «Радио Освобождение» было невоенное свержение коммунистических режимов. Они не просто транслировали американские новости в СССР и страны советского блока, а служили альтернативным источником актуальной информации для местной прессы, находящейся под жестким партийным контролем¹.

23 октября 1958 г. «Радио Освобождение» заготовило специальную программу к тому часу, когда Шведская академия объявляла имя лауреата, чтобы новость сразу достигла СССР, став орудием культурной пропаганды. Трансляция концерта Чайковского была прервана экстренным сообщением о присуждении Борису Пастернаку Нобелевской премии по литературе. За этим последовал обзор творческого пути писателя, в контексте которого зачитывались фрагменты романа «Доктор Живаго», чтобы советские читатели могли хотя бы так познакомиться с текстом. На следующий день «Радио Освобождение» проинформировало слушателей о прибытии в Переделкино официальной телеграммы из Стокгольма и о первой реакции Пастернака на премию. Далее сообщалось, что постоянный секретарь Шведской академии был рад получить положительный отклик от Пастернака и выразил надежду, что поэту будет разрешено прибыть в Швецию на церемонию вручения. Однако продолжили передачу известия о начале травли нового Нобелевского лауреата в СССР: было упомянуто, в частности, резко осуждающее Пастернака письмо редколлегии «Нового мира», напечатанное в «Литературной газете» вместе с вышеупомянутой «внутренней рецензией» двухлетней давности, указывающей на многочисленные недостатки романа как причину отказа журнала от его публикации².

25 октября «Радио Освобождение» объявило, что Пастернак принял Нобелевскую премию. Генеральный секретарь Шведской академии отметил,

¹ *Puddington A.* Broadcasting Freedom. The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Lexington, KT: University of Kentucky Press, 2000. P. iv.

² *Baker C.* “Radio Liberation Presents Boris Pasternak” transcript. C0365: Box 35. Carlos Baker Collection of Ernest Hemingway. Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. P. 11–22.

Фредерик Х. Уайт

что Пастернак продолжил великую традицию русского романа, восходящую к «Войне и миру». Особый акцент в передаче был сделан на положительной реакции чилийского писателя Пабло Неруды, лауреата Сталинской премии. Четыре дня спустя «Радио Освобождение» сообщило, что Пастернак отказался от Нобелевской премии. Шведская академия приняла отказ писателя, но оставила премию за ним¹.

Отзыв Хемингуэя

Как известно, расправа над Пастернаком в СССР была скорой и суровой. В зарубежных газетах немедленно появилась информация о травле поэта в прессе, исключении его из Союза писателей и его отказе от Нобелевской премии под угрозой изгнания с родины. Многие известные литературные деятели выступили в защиту Пастернака и его романа. «Радио Освобождение» обратилось за поддержкой к ряду знаменитых писателей, включая Хемингуэя (F-C: 186–188). Папа Хэм откликнулся почти сразу. Он начал свое заявление фразой: «Я глубоко сожалею о невозможности для Бориса получить Нобелевскую премию, которой он, разумеется, заслуживает как поэт и переводчик». Судя по тому, что следующие два абзаца в рукописи зачеркнуты, здесь Хемингуэя одолевают сомнения, поскольку он не знает правды о публикации «Доктора Живаго» в Италии. Он, конечно, готов осудить любое давление, возможно, оказанное на Пастернака с целью заставить его отказаться от премии, но вместе с тем он не уверен, был ли перевод адекватен и одобрен автором². Хемингуэй явно увяз в политической подоплеке ситуации и не знает, как реагировать.

В конечном итоге Хемингуэй все-таки сделал заявление, которое было прочитано на «Радио Освобождение» и услышано советскими гражданами. Много лет спустя и возлюбленная поэта, Ольга Ивинская, и американист Раиса Орлова в своих мемуарах уделили особое внимание словам поддержки, полученным от Хемингуэя. Ивинская цитировала: «Эрнест Хемингуэй: Я подарю ему дом, чтобы облегчить ему жизнь на Западе. Я хочу создать для него условия, необходимые для продолжения его творчества. Я понимаю душевную разорванность, в которой сейчас должен находиться Борис. Я знаю, насколько глубоко он врос всем своим сердцем в Россию. Для та-

¹ Ibid.

² JFK Library and Museum. 2 Sept. 1958 – Oct. 1958. AL [Oct 1958], to [unknown individual], re: Boris Pasternalis [Pasternak] and the Nobel Prize. EHPP-OC11-005-006.

кого гения, как Пастернак, разрыв с родиной был бы трагедией. Но если он придет к нам – мы его не разочаруем. Я сделаю все, что в моих скромных силах, чтобы сохранить миру этот творческий гений. Я каждый день думаю о Пастернаке»¹.

Орлова была сотрудником редакции журнала «Иностранная литература», который опубликовал повесть Хемингуэя «Старик и море» и тем самым вернул его на советский литературный рынок. Она подозревала, что выступление американского писателя в защиту Пастернака при посредничестве «Радио Освобождение» существенно осложнит процесс опубликования русских переводов хемингуэевской прозы. Издание двухтомного собрания сочинений Хемингуэя, запланированное на 1957 год, было сначала перенесено на 1958-й, а потом и вообще отложено на неопределенный срок. Антиправительственные восстания в Венгрии и Польше и скандал с присуждением Пастернаку Нобелевской премии заставили задуматься советских культурных агентов и послужили очевидными причинами задержки публикации. Наконец, в 1959-м двухтомник под редакцией И.А. Кашкина оказался на советском литературном рынке – и советские граждане сутками стояли в очередях, чтобы приобрести долгожданное издание².

Решительно заступившись за Пастернака, Хемингуэй, судя по всему, все же продолжал верить в советскую версию, обвинявшую Фельтринелли во всех бедах Пастернака. Свидетельством этого может послужить реакция американского прозаика на предложение Фельтринелли издать сборник его ранее опубликованных журнальных и газетных статей в итальянском переводе. Коллега Фельтринелли Фабио Коэн сначала обратился к юристу Хемингуэя Альфреду Райсу, но тот посоветовал ему послать предложение в письменном виде напрямую писателю. 24 октября 1958 г. Коэн отправил Хемингуэю свое предложение, напомнив, между прочим, что «Джанджакомо Фельтринелли – издатель романа м-ра Пастернака “Д-р ЗИВАГО” [sic], удостоенного в этом году Нобелевской премии по литературе». Согласно этому письму, Фельтринелли был готов предоставить писателю все материалы (даже переводы статей) для окончательного отбора и одобрения и согласиться на любые ограничительные условия со стороны автора. Коэн уверял Хемингуэя, что интерес Фельтринелли к этому проекту не носит политического характера. Глава итальянского издательства даже готов был вступить в сотрудничество с американским издателем Хемингуэя, чтобы

¹ *Ивинская О.* В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Париж: Fayard, 1978. С. 296.

² *Орлова Р.* Хемингуэй в России. С. 45.

одновременно напечатать этот сборник избранных статей на итальянском и английском языках¹.

В ноябре Хемингуэй написал своему юристу из Кетчума (штат Айдахо), что он запрещает любую подобную публикацию, называя Фельтринелли и его коллег мошенниками, способными на пиратское копирование его материалов. Писатель напомнил Райсу, что Фельтринелли был итальянским коммунистом, который «облапошил Пастернака и отказался вернуть его [рукопись], когда тот хотел внести какие-то правки». Об этом Хемингуэй, якобы, прочитал в газете «два года назад» и был уверен, что Фельтринелли воспользуется разрешением на итальянский перевод, чтобы присвоить себе исключительные права на перепечатку его газетной публицистики во всем мире². На самом деле Фельтринелли заключил с Пастернаком официальный контракт и не нарушал авторского права на роман «Доктор Живаго». К тому же Пастернак потребовал вернуть рукопись только под прямым давлением советских чиновников и тайно предупредил Фельтринелли, чтобы тот в дальнейшем принимал всерьез лишь те письма от него, которые будут написаны по-французски. Договор между Пастернаком и Фельтринелли был составлен по всем правилам, а вот Хемингуэй попал под влияние официальной советской версии ситуации.

На следующий день после того как Хемингуэй отправил инструкции Райсу, Пастернак предпринял тактическое отступление, разрешив публикацию в «Правде» заявления со своим автографом. На самом деле подписанный поэтом текст составил Дмитрий Поликарпов, заведующий отделом культуры ЦК КПСС. В этом открытом письме «Пастернак» сожалел о том, что не внял предупреждению редколлегии «Нового мира» о подрывном, антиреволюционном звучании романа, и утверждал, что добровольно отказался от Нобелевской премии, как только осознал политическую подоплеку ее присуждения. Это письмо было уступкой, которой требовало советское правительство. Как только оно было напечатано, травля поэта несколько поутихла. Разговоры о высылке Пастернака из страны прекратились, однако его лишили возможности зарабатывать на жизнь литературным трудом, даже переводами (F-C: 200–202).

17 ноября Райс направил Коэну официальный ответ: «Мистер Хемингуэй желает, чтобы я проинформировал Вас о том, что он не разрешит

¹ JFK Library and Museum. Rice, Alfred, Oct 1958. TLS Alfred 30 Oct 1958, NY, 1p., w/TLS to Fabio [Coen] 24 Oct 1958, NY. EHPP-IC34-009-004.

² JFK Library and Museum. Hemingway to Rice: 5 Nov 1958 - 22 Dec 1958. ALS Ernie 14 Nov 1958, Ketchum, ID, to Alfred [Rice]. EHPP-OC11-006-004; ALS Ernie 26 Nov 1958, Ketchum, ID, to Alfred [Rice]. EHPP-OC11-006-007.

Фельтринелли или кому-либо другому публикацию, будь то в виде сборника или иначе, на итальянском или любом другом языке каких бы то ни было написанных им статей, ранее напечатанных в газетах или журналах, и категорически запрещает любую подобную публикацию любых подобных материалов, написанных им»¹. Хемингуэй не только опасался иметь дело с Фельтринелли, но и не хотел, чтобы предложенный им проект повредил его долговременным взаимоотношениями с Альберто Мондадори, одним из его итальянских издателей.

В тот же период Пастернак вступил в переписку с Куртом Вольфом, основавшим в 1942 г. издательство «Pantheon Books». Вольф и его жена Элен, немецкие издатели, эмигрировавшие в США, опубликовали английский перевод «Доктора Живаго» и пытались организовать Пастернаку западную поддержку в его борьбе с властями. С этой целью Вольф обратился к ряду известных писателей, в том числе Хемингуэю и Фолкнеру. В написанном по-немецки письме Вольф объясняет Пастернаку: «Конечно, у них обоих есть и книга, и письмо. Я снова напишу им обоим сегодня и приложу копию письма Хемингуэю. Поможет это или нет, не знаю. Если нет, пожалуйста, не расстраивайтесь. Они, конечно, великие писатели, но оба они ненадежны, они редко, если вообще когда-либо, пишут письма [поддержки], и оба алкоголики». По всей видимости, Вольф послал Хемингуэю экземпляр пастернаковского романа на Кубу, однако ответ писателя, датированный 23 декабря, пришел из Кетчума. Хемингуэй сообщил, что он уже купил экземпляр «Доктора Живаго», не дожидаясь приезда в «Финка Вихия», где ждала его подаренная издателем книга, и собирался написать Пастернаку на приложенный адрес. «Большое спасибо Вам и ему за то, что прислали мне книгу»².

Официальная советская версия развития событий, которые привели к публикации «Доктора Живаго», вероятно, показалась убедительной Хемингуэю еще и потому, что его собственные отношения с иностранными издателями были весьма непростыми, так что он постоянно опасался посягательств на свое авторское право и, как следствие, свою репутацию. Маловероятно, что американский писатель вполне осознавал тяжелое положение своего русского коллеги, вынужденного делегировать другим контроль над итоговым продуктом своей творческой деятельности, чтобы увидеть его напечатанным. Поэтому официальная версия, согласно которой Фель-

¹ JFK Library and Museum. Rice, Alfred, Nov 1958 - Dec 1958. TLS Alfred 17 Nov 1958, NY, 1p., w/TLcc [Rice] 17 Nov 1958, to Fabio Coen. EHPP-IC34-010-002.

² РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 414. Л. 22–24.

тринелли злоупотребил своим положением переводчика и издателя, нашла отклик в душе Хемингуэя и, вероятно, побудила его горячо вступить за Пастернака, но в то же время заставила его считать Фельтринелли «мошенником».

Заключение

Наставника Хемингуэя Эзру Паунда выпустили из психиатрической больницы св. Елизаветы и разрешили ему вернуться в Италию через несколько месяцев после того, как Пастернаку присудили – но не смогли вручить – Нобелевскую премию в Стокгольме. Паунд всю оставшуюся жизнь боролся с психическим расстройством и умер в Венеции в 1972 г. Его похоронили рядом с русским композитором Игорем Стравинским и основателем «Русских сезонов» Сергеем Дягилевым на острове Сан Микеле¹. В 1980-м издательство Фельтринелли опубликовало переписку Паунда на итальянском².

В 1960-м Пастернак скончался от рака, и на его похороны в Переделкино пришли тысячи людей, считавших его одним из величайших поэтов двадцатого века. Роман «Доктор Живаго» был легально напечатан лишь в 1988-м в журнале «Новый мир». В том же году Евгений Евтушенко заявил, что Пастернак должен, наконец, получить Нобелевскую премию, от которой он отказался под идеологическим давлением. На следующий год сын Пастернака получил разрешение приехать в Стокгольм и забрать отцовскую медаль.

Как ни парадоксально, Хемингуэй стал настолько почитаемой в СССР иконической фигурой, что фотография седобородого писателя в свитере висела на стене во многих советских квартирах в 1960–1970-е. При этом наиболее значительное воздействие на советскую аудиторию Хемингуэй оказал как контркультурная фигура, воплощающая собой американский идеал личной свободы – в противоположность советскому принудительному коллективизму. После смерти И.А. Кашкина в 1963 г. ведущим советским специалистом по творчеству Хемингуэя стал Борис Грибанов, заместитель главного редактора издательства «Художественная литература» и заведующий редакцией авторитетной книжной серии «Библиотека все-

¹ *Tytell J.* Ezra Pound: The Solitary Volcano. New York: Anchor Press, 1987. P. 328–339.

² *Pound E.* Lettere 1907–1958. Milan: Feltrinelli Editore, 1980.

мирной литературы» – идеальное положение для человека, стремящегося «вернуть» Хемингуэя советскому читателю.

Грибанов также написал биографию Хемингуэя для знаменитой книжной серии «Жизнь замечательных людей». Появление Папы Хэма среди Героев Советского Союза было важным достижением – причем, совершенно иного порядка, нежели его честно заработанная всемирная слава. По иронии судьбы, американский писатель получил в СССР официальное признание, в котором было отказано отечественному поэту. Можно считать символическим тот факт, что самый американский из американских писателей был целиком и полностью кооптирован в советское литературное пространство, тогда как шедевр русской литературы, роман «Доктор Живаго», был доступен большинству советских читателей разве что в там-/самиздате – вплоть до эпохи гласности. Пастернак удостоился тома в серии «Жизнь замечательных людей» только в 2005 году¹.

Траектория колебания литературных репутаций Хемингуэя и Пастернака ясно демонстрирует нам, что доступ на литературный рынок контролируется культурными агентами, которые по мириадам причин стремятся увеличить или уменьшить символический капитал писателей. Не следует забывать, что Хемингуэй не получил Пулитцеровскую премию в 1940-м из-за единственного голоса, поданного против него, поскольку голос этот принадлежал могущественному президенту Колумбийского университета Николасу Мюррею Батлеру². Еще более драматичный пример – кампании советского правительства по разрушению репутации Пастернака и упрочению репутации Шолохова, который был «освящен» Советским Союзом и стал воплощением его культурной политики.

Нобелевская премия по литературе как форма общественного признания заставляет задаться вопросом, каким образом символический капитал создается, сохраняется и в конечном итоге обращается в финансовые или идеологические дивиденды. Она также вскрывает конфликты, рассматриваемые Казановой и Джагаловым применительно к соперничающим литературным территориям, особенно в контексте холодной войны. Ритуалы «освящения» и десакрализации требуют человеческих жертв. Однако репрессии против «Доктора Живаго» не спасли СССР от развала. Эта затраченная попусту энергия лишь существенно осложнила последний период жизни Пастернака и судьбы многих людей, поддерживавших его, и вскры-

¹ Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия. 2005.

² Baker C. Ernest Hemingway: A Life Story. New York: Charles Scribner's Sons, 1969. P. 363.

Фредерик Х. Уайт

ла искривленный механизм советской культурной легитимности. Отметим, что Хемингуэй так до конца и не склонился на посулы советской республики литературы. К тому же спустя годы после смерти писателя его вдова Мэри все еще пыталась получить гонорары, так и не выплаченные ему советскими издателями¹.

Выбор «наиболее выдающегося произведения идеалистического толка» – непростое дело. Если бы Хемингуэю и Пастернаку довелось обменяться мнениями о Нобелевской премии по литературе за стаканчиком горячительного, они наверняка тут же сошлись бы на «литературном кредо» американского прозаика образца 1932 года: «К черту всю эту проклятую мышиную возню»².

Перевод с англ. А.С. Волгиной

Литература

«А за мною шум погони...». Борис Пастернак и власть. Документы. 1956–1972 гг. / Под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. М.: РОССПЭН, 2001.

Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005.

Грибанов Б. Хемингуэй. М.: Молодая гвардия, 1970.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Казанова П. Мировая республика литературы / Пер. с фр. М. Кожевниковой, М. Летаровой-Гистер. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.

¹ JFK Library and Museum. Mary Hemingway Personal Papers. 1960–1977 and undated letters. МНРР-023-006. В письме Анастасу Микояну, бывшему первому зам. председателя Совета министров СССР, от 25 мая 1968 г. Мэри Хемингуэй напомнила адресату, как за несколько лет до того он был у них в гостях на Кубе. Во время этого визита он сказал Хемингуэю, что в Советском Союзе его ожидают гонорары, составляющие довольно крупную сумму. После смерти мужа она обратилась в посольство СССР к Анатолию Добрынину – и получила ответ, что причитающиеся Хемингуэю гонорары существенно меньше и составляют примерно 1/40 от той суммы, что Микоян упоминал на Кубе. Мэри сообщила, что планирует приехать в СССР в начале сентября, и спрашивала, может ли Микоян помочь ей получить гонорары во время этого визита. По ее подсчетам, речь шла о 18 различных произведениях Хемингуэя, опубликованных в русском переводе, большинство из них – Госиздатом. Она отметила, что первым из них был сборник «Смерть после полудня», а последним – роман «За рекой в тени деревьев».

² *Baker C.* Ernest Hemingway. P. 362.

Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / Пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Орлова Р. Хемингуэй в России: Роман длиною в полстолетия. Ann Arbor: Ardis, 1985.

References

Baker C. *Ernest Hemingway: A Life Story*. New York: Charles Scribner's Sons, 1969.

Bourdieu P. *The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature*, ed. and introd. R. Johnson. New York: Columbia University Press, 1993.

Bourdieu P. *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, transl. S. Emanuel. Cambridge: Polity Press, 1996.

Brown D. *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962.

Bykov D. *Boris Pasternak*. Moscow: Molodaia gvardiia publ., 2005. (In Russ.)

Casanova P. *Mirovaia respublika literatury* [*The World Republic of Letters*], transl. M. Kozhevnikova, M. Letarova-Gister. Moscow: Izdatel'tvo im. Sabashnikovyrh Publ., 2003. (In Russ.)

Clark K. *Moskva, chetviortii Rim: Stalinism, cosmopolitanism i evoliutsiia sovietskoi kul'tury (1921–1941)* [*Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1921–1941*], transl. O. Gavrikova, A. Fomenko. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozreniie Publ., 2018. (In Russ.)

David-Fox M. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzu i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [*Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2015. (In Russ.)

Dearborn M.V. *Ernest Hemingway: A Biography*. New York: Knopf, 2017.

Djagalov R. "Literary Monopolists and the Forging of the Post-World War II People's Republic of Letters." In: *Socialist Realism in Central and East European Literatures Under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses*, eds E. Dobrenko, N. Jonsson-Skradol. London: Anthem Press, 2018: 25–37.

Djagalov R. "The Red Apostles: Imagining Revolutions in the Global Proletarian Novel." *Slavic and East European Journal* 61: 3 (2017): 396–422.

Espmark K. *The Nobel Prize in Literature: A Study of the Criteria behind the Choices*. Boston, MA: G.K. Hall, 1986.

Feldman B. *The Nobel Prize: A History of Genius, Controversy, and Prestige*. New York: Arcade Press, 2000.

Finn P., Couvée P. *The Kremlin, the CIA, and the Battle Over a Forbidden Book*. New York: Pantheon, 2014.

Fleishman L. *Boris Pasternak: The Poet and His Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

Freidberg M. *A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia, 1954–64*. Bloomington, ID: Indiana University Press, 1977.

Gribanov B. *Hemingway*. Moscow: Molodaia gvardiia publ., 1970. (In Russ.)

Hutchisson J.M. *Ernest Hemingway: A New Life*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2016.

Orlova R. *Hemingway v Rossii: Roman dlinoiu v polstoletii* [*Hemingway in Russia. Half a Century Romance*]. Ann Arbor: Ardis, 1985. (In Russ.)

Jewell R. “The Nobel Prize: History and Canonicity.” *The Journal of the Midwest Modern Language Association* 33: 1 (winter 2000): 97–113.

Margulies S.R. *The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924–1937*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1968.

Meyers J. “The Literary Politics of the Nobel Prize.” *The Antioch Review* 65: 2 (Spring, 2007): 214–223.

Puddington A. *Broadcasting Freedom. The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. Lexington, KY: University of Kentucky Press, 2000.

Raeburn J. *Fame Became of Him: Hemingway as Public Writer*. Bloomington, ID: Indiana University Press, 1984.

Reynolds M. *Hemingway: The Final Years*. New York: Norton, 1999.

Tytell J. *Ezra Pound: The Solitary Volcano*. New York: Anchor Press, 1987.

Дата поступления в редакцию: 20.10.2022

Received: 20.10.2022

Дата публикации: 15.12.2022

Published: 15.12.2022